

XIX - XX :

• •

07.00.02 -

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Великие реформы 1860–1870-х гг. способствовали чрезвычайному усилению роли чиновничьего аппарата в управлении Российской империей. Бюрократическая элита постепенно увеличивала свое влияние, проникая во все сферы государственной жизни, и в итоге превратилась чуть ли не в реальный центр силы – своего рода соправителя самодержавного монарха. Попытки Александра III изменить соотношение сил в свою пользу не привели к серьезным результатам. При Николае II элита еще больше вышла из-под контроля верховной власти. Поначалу ее представители рассчитывали усилить собственную влияние из-за неопытности молодого императора. В дальнейшем, когда ближе к рубежу веков Николай II выработал собственный стиль поведения с высшей бюрократией и стал гораздо более самостоятельным в принятии кадровых решений, правительственные чиновные круги стали предпринимать попытки сохранить свое прежнее влияние на определение политического курса.

Один из ярких представителей этой высшей бюрократии – член Государственного совета Александр Александрович Половцов – оставил уникальный по содержанию дневник. На страницах этого источника автор затрагивал широкий круг проблем. Он писал о политических событиях, ключевых фигурах той эпохи, детально пересказывал разговоры с ними, а также излагал сплетни и слухи, циркулировавшие в обществе. Диапазон освещенных в дневнике тем, обширность политических связей Половцова и его нахождение в непосредственной близости от эпицентра политических событий вкупе с большим количеством ценной информации, содержащейся в дневнике, позволили автору диссертации выделить такое понятие, как так называемый круг Половцова. Данное понятие использовано в настоящей диссертации для изучения процессов, протекавших в среде высшей бюрократии на рубеже XIX–XX веков.

Использованный подход – сужение объекта исследования до отдельного круга лиц из правительственных сфер, – с одной стороны, позволил диссертанту избежать построения чересчур абстрактных, не основанных на конкретном источниковом материале исторических конструкций и неуместных обобщений. С другой стороны, он способствовал максимальной персонализации описываемых событий. Автор рассматривает целый ряд отдельно взятых сюжетов, прежде чем предложить какое-то их концептуальное обобщение, выводящее на ту или иную характеристику высшей бюрократии. Вместе с тем объем и разнообразие использованных диссертантом источников, ранее не введенных в научный оборот, позволили автору избежать и сведения темы к комбинации тех или иных околобиографических сюжетов. Это позволило аргументировано сформулировать авторскую концепцию о формах бюрократического воздействия на самодержца и о приемах противодействия монарха такому давлению.

Настоящая диссертация посвящена деятельности представителей высшей бюрократии, принадлежавших к кругу Половцова. Автор сосредоточил внимание именно на том, что, как и почему становилось объектом обсуждения и пристального внимания чиновников, входивших в эту группу. Диссертант концентрируется на изучении блока вопросов, связанных с проблемами отставок и назначений ключевых политических фигур. Параллельно с рассмотрением этих событий анализируются проблемы взаимоотношений правительственной элиты и императора. При этом особое внимание уделяется тому, как представители круга Половцова воспринимали монарха, как менялось их отношение к самодержцу. Подобная постановка вопроса позволила автору проанализировать и другую проблему: каким образом информация, полученная отдельными чиновниками в правительственных верхах, транслировалась в общество и какие последствия

имел такой ход событий для внутренней политики в целом и для репутации правительства и самодержца.

Таким образом, тема диссертации, основанная на недостаточно представленном в историографии источнике личного происхождения одного из лиц, входивших в высшую бюрократию, и представляющая крайне субъективную – составленную на основании критерия близости к автору данного источника – выборку представителей правительственных кругов, не является классическим биографическим исследованием.

Именно благодаря отходу от жестких рамок политической биографии у автора работы появилась возможность существенным образом расширить диапазон изучаемых проблем. Так, в диссертации, во-первых, анализируется роль неформальных коммуникаций в системе самодержавной власти и механизмах принятия правительственных решений. Во-вторых, разбираются взаимоотношения в среде правительственной элиты, оценивается ее самовосприятие. В-третьих, исследуются особенности восприятия представителями высшей бюрократии самодержца. Подобная проблемная оптика может быть экстраполирована и на другие вопросы, связанные с изучением высшей бюрократии рубежа XIX–XX веков и ее роли в формировании политического курса империи.

Предмет, объект и задачи исследования. Внутренняя политика самодержавия в конце XIX – начале XX века стала основным предметом исследования. Объектом диссертации явилась деятельность представителей высшей бюрократии круга Половцова. Автор рассматривает степень их влияния на кадровые перестановки в правительстве, взаимоотношения элиты и монарха, а уже с этой точки зрения – конкретные факты политической истории России изучаемого периода.

Недостаточное внимание в историографии к предмету и объекту исследования обусловило следующие исследовательские задачи:

Во-первых, реконструировать в хронологической последовательности неизданный дневник Половцова за 1893–1909 гг. как цельный исторический источник и оценить его значение.

Во-вторых, изучить деятельность представителей высшей бюрократии круга Половцова в первые годы правления Николая II, выявить и систематизировать основные проблемы, которые интересовали лиц, входивших в это сообщество, определить характерные для представителей высшей бюрократии приемы воздействия на самодержца.

В-третьих, проанализировать обострившийся на рубеже XIX–XX вв. кризис во взаимоотношениях монарха и правительственной элиты и проследить его развитие вплоть до складывания – после фундаментальных перемен в политической системе империи в 1905–1906 гг. – нового политического режима.

Методологической основой работы стали основные обязательные принципы создания исторического исследования – историзма, научной объективности и системности. На эти методологические основы опирались конкретные методы данного исследования – историко-сравнительный и проблемно-хронологический. Оба метода обеспечили широкие познавательные возможности для всестороннего изучения заявленных проблем.

Хронологические рамки работы определяются в соответствии с предметом и объектом исследования границами неизданный дневника Половцова (1893–1909 гг.). Таким образом, выбранный период позволяет сосредоточиться на тех из рассматривавшихся Половцовым вопросов, которым прежде в исторических исследованиях не уделялось должного внимания.

За исключением отдельных разделов обобщающего характера изложение ведется по хронологическому принципу. Внимание последовательно фокусируется на наиболее важных для представителей круга Половцова внутривнутриполитических и внешнеполитических событиях. В

каких-то из этих событий автор дневника сам принимал участие, о каких-то писал достаточно подробно. Хронологическая развертка темы осуществляется путем достраивания излагающихся в дневнике Половцова сюжетов с помощью данных других источников.

Поскольку изложение материала привязано преимущественно к событиям внутренней политики, отобранным в соответствии со степенью внимания, уделенного им автором дневника и его окружением, а не к биографии Половцова, то деление работы по главам соотнесено со значимыми вехами именно правительственной деятельности. Исследование захватывает последний год правления Александра III, затем автор обращается к начальному периоду царствования Николая II. Далее рассматриваются в основном наиболее значимые кадровые перестановки в правительстве и реакция на них представителей высшей бюрократии. Рубежом в исследовании стал 1899 года, а именно – назначение Д.С. Сипягина министром внутренних дел. Данное кадровое решение верховной власти имело особое значение, поскольку может быть воспринято как первое назначение нового императора, явившееся результатом исключительно его собственных размышлений и представлений о том, каким критериям должен соответствовать чиновник, занимающий этот пост. Данное решение вынашивалось императором в течение долгого времени и состоялось, несмотря на мощную оппозицию в среде бюрократии и на лоббирование других кандидатов ближайшими родственниками монарха. Затем автор разбирает ключевые события внутренней политики 1899–1906 гг., останавливаясь в том числе на выборе преемника Сипягину, а затем на отдельных сюжетах революционного периода, особенно важных для круга Половцова. Диссертант показывает, что верховная власть оказалась вынужденной все чаще прибегать к лавированию, обращаясь и к элементам модернизационной политической культуры. Последующий период, отраженный в дневнике достаточно фрагментарно, рассматривается преимущественно с точки зрения информационной ценности сведений,

приводимых Половцовым, и возможности их интерпретации путем сопоставления с данными других источников.

Степень изученности проблемы. В силу специфики темы диссертации автор был вынужден проследить развитие ее историографии по двум основным направлениям. Во-первых, рассмотрено изучение деятельности непосредственно самого Половцова. Во-вторых, прослежена эволюция исследования высшей бюрократии Российской империи конца XIX – начала XX века.

Биография Половцова – государственного деятеля, мецената, главы Императорского Русского исторического общества, издателя, мемуариста и, наконец, влиятельного приближенного Александра III – до сих пор не подвергалась специальному комплексному изучению. В исторической науке разрабатывались лишь отдельные вопросы. Так, П.А. Зайончковский рассматривал период пребывания Половцова на посту государственного секретаря. Ученый подготовил текст дневника этого периода к публикации¹. Кроме того, вышло несколько работ о культурно-просветительской деятельности Половцова². Между тем его деловая активность так и не стала объектом отдельного анализа. Примечательно, что практически все авторы работ о Половцове находят его финансовые дела крайне неутешительными, но при этом оперируют одной и той же цитатой из мемуаров С.Ю. Витте³.

¹ Дневник государственного секретаря А.А. Половцова в двух томах. Т. I. 1883–1886 гг. Т. II. 1887–1892 гг. / Редакция, биографический очерк и комментарии П.А. Зайончковского. М., 1966. Переиздан в 2005 г. с предисловием Л.Г. Захаровой.

² *Житнева Н.В.* Особняк А.А. Половцова (Санкт-Петербургский дом архитектора). СПб., 1997; *Меньшикова М.Л.* Половцовы как коллекционеры прикладного искусства Китая // Материалы научно-практических конференций. Самара, 1997. С. 175–184; *Прохоренко Г.Е.* Сановник, меценат и коллекционер Александр Александрович Половцов // Наше наследие. 2006. № 77. С. 24–27. В 2007 г. по телеканалу «Культура» в цикле передач «Дворцовые тайны» была показана передача А.Д. Марголиса «Особняк Половцова».

³ *Зайончковский П.А.* А.А. Половцов. Биографический очерк // Дневник государственного секретаря А.А. Половцова в двух томах. Т. I. С. 9–10 (здесь и далее цитируется новое издание); *Прохоренко Г.Е.* Указ. соч. С. 25; *Непеин И.Г.* Этот Половцов удивительный человек // Уральский следопыт. Свердловск, 1993. № 9. С. 75; *Меньшикова М.Л.* Указ. соч. С. 175.

М.В. Друзин уделил внимание промышленной деятельности Половцова в Богословском горном округе в общей статье об уральских горнозаводчиках⁴.

Вышло несколько биографических статей о Половцове. Так, сразу после его смерти в 1909 г. в ряде журналов были помещены краткие справки о его жизнедеятельности⁵. В 1966 г. П.А. Зайончковский, публикуя дневник, подготовил достаточно подробный очерк о Половцове⁶. Ученый вкратце охарактеризовал его взгляды и деятельность. В частности, в статье уделено особое внимание участию Половцова в работе Императорского Русского исторического общества. Кроме того, в очерке проанализирован дневник, но, как показывает автор диссертации, П.А. Зайончковский сконцентрировался на описании лишь опубликованного им дневника (1883–1892 гг.), что привело к некоторым неточностям в анализе наследия Половцова более позднего периода (1893–1909 гг.).

Новый виток интереса к биографии Половцова относится уже к постсоветскому времени. В 1993 г. появилась работа И.Г. Непейна⁷. В справочнике Д.Н. Шилова была опубликована биографическая статья о Половцове⁸. В 2006 г. в журнале «Наше наследие» вышла упоминавшаяся выше статья Г.Е. Прохоренко. Авторы этих работ пользовались преимущественно дневником, изданным П.А. Зайончковским. Также перечисленные авторы главным образом отталкивались от его же биографической статьи о Половцове. В 2008 г. в статье опять же биографического характера С.А. Никитин дал более подробную характеристику Половцову, но не привел каких-либо принципиально новых данных. По всей видимости, названный исследователь также анализировал

⁴ Друзин М.В. Уральские горнозаводчики и власть в конце XIX – начале XX вв.: опыт типологии взаимоотношений // История предпринимательства в России XIX – начала XX вв. Вып. 4. СПб., 2008. С. 157–159.

⁵ См., например: Половцов А.А. // Исторический вестник. 1909. № 11. С. 773–774; Бартнев П.И. А.А. Половцов // Русский архив. 1909. Вып. 11. С. 351–352.

⁶ Зайончковский П.А. А.А. Половцов. Биографический очерк. С. 7–20.

⁷ Непейн И.Г. Указ. соч. С. 75–76.

⁸ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи, 1802–1917: биобиблиографический справочник. СПб., 2002. С. 597–600.

преимущественно дневник 1883–1892 гг., поскольку в статье он ошибочно указал, что «дневник Половцова полностью расшифрован по подлиннику и издан заново»⁹.

История изучения высшей бюрократии Российской империи конца XIX – начала XX века выглядит более внушительной. Начало этой историографической линии было положено еще дореволюционными исследователями. Между тем в дореволюционной историографии тема поднималась нечасто либо изучалась односторонне. Такая ситуация была обусловлена прежде всего политической обстановкой в стране, наличием цензуры. Значительная часть работ данного периода содержит ярко выраженную негативную оценку бюрократии. Б. Брозоленко отмечал оторванность чиновников от жизни, связывал с ними «господство рутины и сухого формализма», «неоправданную централизацию власти и подавление всякой самодеятельности в обществе и возможности контроля со стороны»¹⁰. И. Ольшевский и Е.П. Карнович писали о формализме делопроизводства, волоките как характерных особенностях российской бюрократии¹¹.

Л.А. Тихомиров подробно рассмотрел функции и роль высшей бюрократии. По его мнению, одной из главных причин неустроенности государства стали реформы Александра II, которые наградили чиновничество чрезмерной властью. С 1861 г. высшая бюрократия все более узурпировала власть, что привело к нарушению принципа самодержавия в России¹². Б.Н. Чичерин также видел в бюрократии деструктивную силу. Он полагал, что «корень» «главного зла России» – царствовавшего повсеместно «безграничного произвола» – заключался в «бюрократическом управлении», которое «все более и более» захватывало «власть в свои руки». Необходимо

⁹ *Никитин С.А.* Александр Александрович Половцов // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 53.

¹⁰ *Брозоленко Б.* Очерк развития бюрократии в России // Вестник знания. 1903. № 8. С. 15.

¹¹ *Ольшевский И.* Бюрократизм. М., 1906; *Карнович Е.П.* Русские чиновники в былое и настоящее время // Спутник чиновника. 1911. № 1–12.

¹² *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М., 1998 (переиздание 1905 г.). С. 522, 523.

было «вырвать монарха и развращающего влияния господствующей бюрократии»¹³.

П.Н. Семенов в работе «Самодержавие как государственный строй» отметил, что причиной нарушения функционирования самодержавного аппарата стали реформы Александра I, модифицировавшие бюрократическую систему. С учреждением министерств в 1802 г. верховная власть (император) была поставлена в положение «преьера» над бюрократией, утратив возможность лично следить за ходом конкретных дел. Это привело к «расхищению верховной власти» и к воспроизводству странной формы правления, извращенной олигархии, состоявшей из случайных, постоянно менявшихся лиц. Такие лица, по словам автора, прикрываясь верховной властью, «черпали» в ее санкции безответственность и тем самым компрометировали ее¹⁴.

Таким образом, дореволюционные авторы давали в основном частные оценки отдельных сторон деятельности бюрократии. Кроме того, ими было сконструировано несколько моделей функционирования самодержавного государства. Но из-за ограниченной источниковой базой, а также общего – преимущественно публицистического – характера исследований ни одна из проблем изучения высшей бюрократии не получила в этих работах глубокого развития.

После 1917 г., в первые десятилетия советской власти, вопросы функционирования самодержавного государства, его институтов и высшей бюрократии не находились в поле зрения историков и исчерпывались общими рассуждениями о кризисе царизма. Если в каком-либо контексте и говорилось о чиновничестве, то исключительно штампами об антинародной сущности бюрократии¹⁵.

¹³ Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1900. С. 162–163, 171.

¹⁴ Семенов П.Н. Самодержавие как государственный строй. СПб., 1906. С. 5–7.

¹⁵ См., например: Александров М.С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. М., 1919; Магеровский Д.А. Государственная власть и государственный аппарат. М., 1924.

Интерес к истории самодержавия в целом и к деятельности высшей бюрократии в частности заметно возрос во второй половине 1960-х гг. Как отметил Ю.Б. Соловьев, такой поворот произошел в связи с «полувековым юбилеем свержения царизма». Актуальной стала считаться проблема кризиса самодержавия, исследователи обратились к изучению причин упадка этого государственного строя¹⁶. В 1968 г. первым изданием вышла монография Н.П. Ерошкина «История государственных учреждений дореволюционной России»¹⁷, в которой автор дал общую характеристику государственного аппарата царской России.

В 1970 г. была опубликована книга П.А. Зайончковского «Российское самодержавие в конце XIX столетия». В ней рассматривались деятельность высших государственных учреждений, функционирование местного аппарата управления, а также конкретные преобразования эпохи Александра III¹⁸.

Стали появляться исследования, авторы которых более обстоятельно изучали те или иные государственные учреждения, а также их личный состав. В этом ряду выделяется еще одна работа П.А. Зайончковского «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке»¹⁹. В 1969 г. вышел труд С.Л. Эвенчик об одном из видных представителей высшей бюрократии изучаемого периода – К.П. Победоносцеве²⁰. В серии работ Ю.Б. Соловьева исследована тема взаимоотношений самодержавия и дворянства²¹.

В 1984 г. был издан коллективный труд (Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин и др.) «Кризис самодержавия в России, 1895–1917 гг.» В этой работе отношения между высшей бюрократией и императором и в среде представителей бюрократии нередко упрощались до таких штампов, как,

¹⁶ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973. С. 5.

¹⁷ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.

¹⁸ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.

¹⁹ Он же. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978.

²⁰ Эвенчик С.Л. Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России // Ученые записки Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина. М., 1969. С. 52–338.

²¹ Соловьев Ю.Б. Указ. соч.; Он же. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981.

например, «разгул распутинщины» и «очевидный развал власти». Характерно преувеличение политической роли императрицы Александры Федоровны. Неоднократно говорится о «политике Александры Федоровны и Николая II», то есть императрица вводится в политическое пространство в качестве ведущего субъекта власти. Между тем определенным достижением работы по сравнению с предыдущей советской историографией является попытка выделить отдельные группировки в правительстве. В частности, авторы говорят об особой роли группы, сложившейся вокруг вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Изучению подвергнуты конкретные правительственные меры и деятельность отдельных политических деятелей, таких как Витте, И.Л. Горемыкина, В.К. Плеве. Также можно заметить отхождения от утвердившегося в советской историографии мнения, что за императора правило его окружение. Авторы изучали процесс влияния ряда политических фигур на императора, а также то, каким образом могло оказываться давление на персону монарха и лоббирование отдельных мер. Так, указывается, что Плеве попал на пост министра внутренних дел по рекомендации В.П. Мещерского. Тем не менее нельзя не заметить, что авторы несколько преувеличивали роль отдельных представителей высшей бюрократии в их отношениях с монархами. Например, они считали возможным отметить, что влияние М.Н. Каткова и К.П. Победоносцева на политику Александра III было столь велико, что в бюрократических кругах их «не без основания рассматривали» «как второе правительство, существовавшее рядом с законным»²².

В целом в советский период значительно расширился круг изучаемых источников по истории бюрократии, исследования приобрели конкретно-исторический характер. В то же время общие выводы этих исследований, обусловленные идеологизированностью гуманитарных наук, оставались прежними и сводились к констатации безликости русского чиновничества, выставлению бюрократии как слепого инструмента в руках самодержавия.

²² Кризис самодержавия в России, 1895–1917 гг. Л., 1984. С. 615, 442, 380–381.

В постсоветский период тематика исследований высшей бюрократии значительно расширилась. Более представительной стала и источниковая база работ. Все это позволило существенным образом уточнить роль и место высшей бюрократии в системе управления Российской империи.

В 1996 г. Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин и В.М. Панеях опубликовали книгу «Власть и реформы. От самодержавной к советской России», ставшую переработанным и существенно расширенным в хронологическом отношении изданием упомянутого выше коллективного труда 1984 г. В данной работе авторы отказались от некоторой марксистской терминологии и особо радикальных выводов, но основной подход остался тем же. В частности, авторы указали, что реформаторство в России никогда не затрагивало самодержавных основ власти²³. Кроме того, в этой книге были сокращены некоторые разделы изучаемого периода.

В 1970–1980–е гг. роль высшей бюрократии в формировании аграрной политики на рубеже XIX–XX вв. подробно освещалась в работах М.С. Симоновой, самой обширной из которых стала монография «Кризис аграрной политики царизма накануне Первой русской революции»²⁴. А.В. Ремнев изучал роль Комитета министров в системе органов власти Российской империи²⁵. В 2010 г. на основе его кандидатской диссертации была издана монография²⁶.

В 2010 г. вышла книга А.Ю. Полунова о Победоносцеве, подготовленная на основе докторской диссертации. В работе пересмотрена принятая в историографии концепция относительно влияния Победоносцева на политику самодержавия. Признавая его роль в правительстве Александра III, автор утверждает, что невозможно говорить о Победоносцеве как о

²³ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 8.

²⁴ Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма накануне Первой русской революции. М., 1987.

²⁵ Ремнев А.В. Комитет министров в системе высших государственных учреждений царской России (1861–1906 гг.). Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1986.

²⁶ Он же. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2010.

«неформальном премьер-министре». Более того, по мнению исследователя, влияние обер-прокурора Синода уменьшилось в последние годы правления Александра III и возросло только с восшествием на престол Николая II²⁷.

В 1999 г. была опубликована совместная книга Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина «Сергей Юльевич Витте и его время»²⁸. Исследователи представили Витте как одного из лидеров высших бюрократических кругов своего времени, проанализировали его взаимоотношения с другими фигурами государственного олимпа, проследили динамику расстановки сил в правительстве на рубеже XIX–XX веков²⁹. Почти одновременно, в 1998 г., вышла книга А.П. Корелина и С.А. Степанова о Витте, в которой подробно характеризуются программа преобразований этого политического деятеля, его отношения с П.А. Столыпиным и многие другие вопросы, значимые для оценки деятельности и властного ресурса высшей бюрократии³⁰. В том же году была издана монография В.Л. Степанова о Н.Х. Бунге. Исследователь считает, что реализация намеченной реформатором программы могла бы стать исторической альтернативой развития России³¹.

В последнее десятилетие деятельность отдельных политических фигур нередко становилась темой кандидатских диссертаций³².

Проблему взаимоотношений бюрократической элиты периода русско-японской войны изучал И.В. Лукоянов³³. В 2009 г. на русском языке вышла работа канадского историка Д. Схиммельпенника ван дер Ойе о политике

²⁷ *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев: в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 222, 338.

²⁸ *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999.

²⁹ Там же. С. 394.

³⁰ *Корелин А.П., Степанов С.А.* С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998.

³¹ *Степанов В.Л.* Бунге Н.Х.: судьба российского реформатора. М., 1998. С. 342.

³² *Крылова Е.Н.* Петр Дмитриевич Святополк-Мирский и деятельность Министерства внутренних дел. Автореф. дис. канд. ист. наук. СПб., 2002; *Кушнарев И.С.* Жизнь и государственная деятельность А.Б. Лобанова-Ростовского: 1844–1896 гг. Автореф. дис. канд. ист. наук. Саратов, 2008; *Белоусова О.В.* Граф С.Д. Шереметев в общественной и политической жизни России второй половины XIX – начала XX века. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2012.

³³ *Лукоянов И.В.* Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.: борьба за выбор политического курса. СПб., 2009.

самодержавного правительства в отношении Японии³⁴. Американский исследователь Питер Уолдрон предложил концепцию функционирования романовского режима на протяжении всего трехсотлетнего периода его истории³⁵.

Н. Элиас³⁶ и позднее Р. Уортман³⁷ продемонстрировали, как самодостаточным объектом исследования может стать двор суверена и придворное сообщество во всех своих социокультурных коммуникациях – как непрменный элемент пространства власти, сложный социальный организм с системой иерархии, распределения ролей и символических ритуалов.

Новым направлением исследований стало изучение союзов, локальных сетей, коммуникаций представителей элиты. Одной из подобных коммуникационных институций стали салоны начала XX в., о которых были написаны сразу две заметные работы – книга М.М. Леонова о салоне В.П. Мещерского и более обобщающее исследование Д.И. Стогова. Леонов предпринял попытку разобраться в «дружеских» связях российской бюрократической элиты и исследовать салон Мещерского как площадку для контактов правительственных чиновников и представителей общественности³⁸. Темой работы Стогова стали правомонархические салоны и их взаимоотношения с властью самодержавной России³⁹.

³⁴ *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Навстречу восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009.

³⁵ *Waldron P.* Governing tsarist Russia. N.Y., 2007. P. 10–11, 70–71.

³⁶ В России книга появилась сравнительно недавно: *Элиас Н.* Придворное общество. М., 2002. В Германии и Англии она была издана значительно раньше: *Die höfische Gesellschaft. Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie.* Neuwied–Berlin, 1969; *The Court Society.* Oxford, 1983.

³⁷ *Wortman R.S.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. I. From Peter the Great to the Death of Nicolas I. Princeton, 1995; Vol. II. From Alexander II to the Abdication of Nicholas II. Princeton/New Jersey, 2000; *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2 томах. М., 2004.

³⁸ *Леонов М.М.* Салон В.П. Мещерского: патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. Самара, 2009. С. 337, 339–342.

³⁹ *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга–Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб., 2007. С. 67–69.

Таким образом, за последние десятилетия в отечественной и зарубежной историографии была проведена значительная работа по изучению как деятельности высшей бюрократии в целом, так и ее отдельных представителей. Однако весь этот массив исследований так и остается неиспользованным для реконструкции подробной и обстоятельной биографии Половцова, его взглядов и общественно-политической деятельности. Причина подобного невнимания к указанному представителю высшей бюрократии заключается в том, что кроме дневников самого Половцова и отдельных кратких упоминаний в источниках личного происхождения, вышедших из круга его современников, практически не сохранилось других документов об этом деятеле. В то же время имеющиеся на сегодняшний день наработки в изучении высшей бюрократии имеют для настоящей диссертации главным образом рамочное значение. Они ценны именно своим проблемным диапазоном, но вместе с тем практически никак не затрагивают те сюжеты, которые рассматриваются в настоящей диссертации. Именно поэтому в ходе своего исследования автор диссертации не ссылается на работы предшественников. В тех случаях, когда диссертант разбирает проблемы, становившиеся ранее в той или иной мере объектом исследования, эти проблемы получают принципиально новую интерпретацию.

Поэтому данная диссертация, как предполагающая встраивание отдельных направлений деятельности Половцова в общий контекст политической истории России, так и анализирующая конкретные вопросы внутренней политики Российской империи с точки зрения деятельности высшей бюрократии, является следующим шагом в развитии обеих прослеженных историографических линий.

Источниковая база исследования. Диссертация написана на обширной источниковой базе, включающей в себя законодательные акты, делопроизводственную документацию, материалы личного происхождения и периодическую печать.

К законодательным актам относятся нормативные акты из Полного собрания законов Российской империи. В частности, автор обращался к некоторым документам, связанным с освещением крестьянского вопроса в 1893 г.⁴⁰ Кроме того, законодательные материалы привлекались в разделах о реформировании Государственного совета и создании объединенного правительства⁴¹.

Делопроизводственная документация в основном представлена материалами из официальной переписки. Сюда относятся докладные записки Н.К. Гирса, Н.П. Шишкина, А.Б. Лобанова-Ростовского императору, докладные записки Лобанова-Ростовского Гирсу, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи⁴².

Из материалов фонда В.Н. Ламздорфа использованы докладные записки императору, пресылаемые ему телеграммы из перлюстрации, а также некоторые другие документы⁴³. К последней группе, например, можно отнести вклейку Ламздорфа – приказ о назначении Н.П. Шишкина временно управляющим Министерством иностранных дел от 14 января 1895 г.⁴⁴

Также использовано письмо Д.С. Сипягина В.Н. Ламздорфу в связи с расследованием дела о покушении на жизнь министра народного просвещения Н.П. Боголепова от 18 февраля 1901 г. Документ имеет пометку «доверительно». В нем рассказывается о деятельности П. Карповича в Берлине, а также говорится о мерах, которые планировались для ареста сообщников террориста. В фондах Особого отдела Департамента полиции сохранилась выписка о Карповиче из перлюстрированной корреспонденции от 22 февраля 1901 г.⁴⁵

⁴⁰ ПСЗРИ. Собр. второе. Т. XXXVI. Отдел I. 1861. СПб., 1863; ПСЗ. Собр. III. Т. СПб., 1897. № 10151.

⁴¹ Учреждение Государственной думы и Государственного совета: основные законы и постановления. СПб., 1906.

⁴² АВПРИ. Оп. 470. Ф. 133. Д. 31, 34, 54, 66.

⁴³ ГА РФ. Ф. 568. Д. 39, 40.

⁴⁴ Там же. Д. 40. Л. 22.

⁴⁵ Там же. Ф. 102. Д. 24. Л. 45–46.

Самая объемная группа использованных в диссертации источников – это материалы личного происхождения – дневники, мемуары и письма – как самого Половцова, так и его современников.

Дневник Половцова 1893–1909 гг. хранится в Государственном архиве Российской Федерации⁴⁶. Подробная характеристика этого источника дана автором диссертации в первой главе. Также в работе использованы краткие заметки Половцова и опубликованные дневники более раннего периода (1883–1892 гг.)⁴⁷. Отдельным блоком можно считать источники различного характера, которые были включены автором в текст дневника, записанные на его последних страницах, либо вклеенные в тетради дневника. Это письма из корреспонденции Александра III и К.П. Победоносцева, черновик записки Александру III об устройстве музея для рабочих, письмо императору о заседании Департамента экономии 6 декабря 1890 г., несколько писем из переписки Половцова с великим князем Владимиром Александровичем, письма Половцова к Николаю II, рескрипт Половцову по поводу пятидесятилетия службы 1901 г., записка Половцова по крестьянскому вопросу и другие документы.

В работе использовался дневник сотрудника Министерства иностранных дел (в 1900–1906 гг. – министра) В.Н. Ламздорфа за 1894–1896 гг.⁴⁸ Достоинством источника можно считать тот факт, что, как правило, Ламздорф оставлял подробные ежедневные записи о своих разговорах с сотрудниками министерства, сыновьями Гирса, очень часто он вклеивал документы из периодической печати в дневник, а также переписывал от руки письма и записки министра иностранных дел, императора, послов, включал материалы из перлюстрации.

Еще одним важным источником является дневник А.Н. Куропаткина, военного министра в 1898–1904 гг. Отрывки из дневника публиковались в

⁴⁶ Там же. Ф. 583. Оп. 1. Д. 39, 44, 46–51, 53, 54, 56, 57, 59, 69.

⁴⁷ Там же. Д. 52, 55, 58; Дневник государственного секретаря А.А. Половцова в двух томах. Т. 1. 1883–1886 гг. Т. 2. 1887–1892 гг.

⁴⁸ *Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896 гг. М., 1991.*

журнале «Красный архив» в 1922 г., недавно было подготовлено более полное издание, в которое включен дневник с 1902 по 1906 гг.⁴⁹ Помимо этих публикаций, в диссертации использован и неизданный дневник, который хранится в Российском государственном военно-историческом архиве⁵⁰. В диссертации использованы те данные дневника, которые имеют отношение к внутривосточным вопросам и кадровым перестановкам.

При анализе ряда проблем автор обращался к дневнику Николая II, в особенности за 1894–1896, 1899 и 1904 гг.⁵¹ Привлекались дневниковые записи и других членов Императорской фамилии. Сюда можно отнести дневники великого князя Константина Константиновича, великой княгини Ксении Александровны и великого князя Сергея Александровича⁵².

При написании работы использовались мемуары Витте⁵³. Кроме того, ценная для диссертации информация содержится в воспоминаниях А.А. Мосолова, В.И. Гурко, В.Н. Коковцова, а также в мемуарах Н.А. Вельяминова⁵⁴.

Важными для диссертации источниками оказались материалы из личной корреспонденции императора. В частности, привлекалась переписка Николая II с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, сестрой – великой княгиней Ксенией Александровной, великой княгиней Елизаветой Федоровной и великим князем Сергеем Александровичем⁵⁵.

⁴⁹ Куропаткин А.Н. Дневник // Красный архив. 1922. Т. 2; *Он же*. Дневник генерала А.Н. Куропаткина. М., 2010.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1851, 1852, 1871.

⁵¹ Дневники императора Николая II 1894–1918 гг. Т. 1 (1894–1904 гг.). М., 2011.

⁵² К.Р. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998; Из дневника великой княгини Ксении Александровны // Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы. СПб., 2009; ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 38, 96.

⁵³ Витте С.Ю. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1, 2. СПб., 2003.

⁵⁴ Мосолов А.А. При дворе последнего российского императора. М., 1993; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Т. 1. М., 1992; Вельяминов Н.А. Воспоминания Н.А. Вельяминова о Д.С. Сипягине // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. VI. М., 1995. С. 377–392.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1295; Ф. 642. Оп. 1. Д. 2326, 2326; Письма Марии Федоровны Николаю II // Красный архив. 1927. № 3. С. 153–209; ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д.

Диссертант привлек материалы Канцелярии министра иностранных дел, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи⁵⁶. В данном фонде содержатся материалы корреспонденции Н.К. Гирса и императора, а также письма А.Б. Лобанова-Ростовского Николаю II. Эти записки и письма скорее можно отнести к личной корреспонденции, а не к делопроизводственной документации.

Кроме того, важными для диссертации стали многие документы фонда Ламздорфа в ГА РФ, которые не вошли в публикацию дневника. Среди использованных материалов в основном письма и записки из корреспонденции министра иностранных дел Н.К. Гирса и Николая II, а также некоторые письма императрицы Марии Федоровны Гирсу⁵⁷.

Диссертант использовал переписку представителей высшей бюрократии. Среди материалов этой группы – письма В.П. Мещерского Д.С. Сипягину, В.Н. Ламздорфу, а также данные из корреспонденции К.П. Победоносцева⁵⁸. Полезная для диссертации информация содержится в докладах Сипягина Николаю II, заметках и черновых записях Победоносцева⁵⁹.

Автором диссертации привлекалась переписка Половцова с его родственником – чиновником Министерства внутренних дел А.В. Половцовым. Эта документация хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки⁶⁰.

Отдельной группой источников являются материалы периодической печати. Использовались публикации из «Правительственного вестника»,

1274(2); Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы.

⁵⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 31, 34.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 568. Д. 39, 40.

⁵⁸ РГИА. Ф. 721. Д. 65; ОР РНБ. Ф. 124. Д. 2788, 2789; Победоносцев К.П. и его корреспонденты. Письма и записки. Т. 1. Полутома 1, 2. М.–Пг., 1923; РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 16; Ф. 601. Д. 630.

⁵⁹ Там же. Ф. 721. Д. 65, 16; Ф. 1574. Оп. 1. Д. 16; Оп. 2. Д. 23.

⁶⁰ ОР РНБ. Ф. 601. Д. 630.

«Московский ведомостей», «Московского листка», «России», а также материалы социал-демократической газеты «Искра».

Научная новизна исследования. Работа представляет собой не только первую попытку комплексного изучения дневника Половцова, но и сосредотачивает внимание на большом количестве сюжетов, которые до настоящего момента либо вообще не освещались в историографии, либо изучались в общем виде. Ряд отдельных вопросов внутренней политики конца XIX – начала XX века благодаря данной работе был уточнен и дополнен либо получил новую интерпретацию.

Результатом исследования стала полная хронологическая реконструкция дневника Половцова 1893–1909 гг. Кроме того, было проанализировано его содержание в контексте основных проблем политической истории России той эпохи, а также взаимоотношений в среде высшей бюрократии.

Проведенное исследование позволяет показать роль высшей бюрократии и Половцова как одного из ее представителей в процессах, протекавших в правительственных кругах России в конце XIX – начале XX века. Благодаря введению в научный оборот новых фактов из неопубликованных источников личного происхождения из фондов Половцова, Ламздорфа в ГА РФ, фондов Сипягина, Победоносцева в РГИА, Канцелярии Министерства иностранных дел в АВПРИ появляется возможность дополнить имеющиеся на сегодняшний день в историографии сведения о взаимоотношениях внутри правительственных кругов, а также между этими кругами и самодержавной властью, о механизмах принятия и реализации решений высшей бюрократией. В результате складываются условия для уточнения и дополнения существующих историографических интерпретаций кризиса самодержавия.

Практическая значимость исследования. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы для дальнейшего исследования внутренней политики Российской империи эпохи кризиса самодержавия, а

также при создании обобщающих работ, связанных как с деятельностью отдельных представителей высшей бюрократии или императора Николая II, так и правящей элиты в целом, а кроме того, при разработке общих и специальных лекционных курсов и учебных программ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

Основное содержание работы

Во **введении** определяется проблематика, ставятся цели и задачи диссертационного исследования, обосновывается его научная новизна, дается характеристика источников и литературы.

Глава I. Дневник А.А. Половцова (1893–1909 гг.): источниковедческие и археографические проблемы реконструкции.

В качестве вступления к главе дается краткая биография Половцова. Рассказывается о его образовании, семье, начале карьеры. Диссертант останавливается на деятельности Половцова в Императорском Русском историческом обществе, на издании «Русского биографического словаря». Далее рассказывается о пике карьеры Половцова – 1883–1892 гг., – когда он занимал пост государственного секретаря, и о влиянии, которое он тогда мог оказывать на императора Александра III. После отставки Половцов стал одним из самых активных участников деятельности Государственного совета. Освободившись от многочисленных обязанностей в Государственной канцелярии, он начал больше времени проводить за границей. Как подчеркивает диссертант, вплоть до смерти Половцов продолжал интересоваться политической ситуацией в стране, о чем оставлял пространные записи в дневнике.

Основной целью написания данной главы стало проведение источниковедческого и археографического анализа дневника Половцова. Автор отмечает, что ранее этот источник не публиковался полностью, хотя информация из него использовалась специалистами в исследованиях по

политической истории России конца XIX – начала XX века. Диссертант подчеркивает, что деятельность Половцова после отставки с поста госсекретаря и его дневник более позднего периода недооценивались.

В главе дается характеристика фонда Половцова в Государственном архиве Российской Федерации. Дневники 1893–1909 гг. гораздо менее систематичны, чем за 1883–1892 гг. Автор отмечает, что нередко записи Половцова отрывочны, целыми месяцами он ничего не фиксирует.

Диссертант подчеркивает, что работа с этим источником в ГА РФ была связана с целым рядом археографических и источниковедческих проблем. Так, опись фонда Половцова не полностью соответствует его содержанию, а машинописные копии дневника частично датированы неверно.

Далее диссертант дает подробную характеристику дневника Половцова. В главе рассказывается об особенностях и проблематике этого источника. Его автор, обладавший обширными связями во властных кругах, обстоятельно описывал в дневнике важные события политической жизни Российской империи, а также характеризовал представителей высшей бюрократии.

Затем в главе приводится краткая характеристика каждого дела фонда Половцова, содержащего дневники. Попутно автор исправляет неточности в описи и останавливается на некоторых других проблемах археографического и источниковедческого характера. В частности, диссертант атрибутирует некоторые тетради Половцова, неверно датированные по описи. Кроме того, автор останавливается на вопросе «исчезнувших» дел – некоторые тетради Половцова были, по всей видимости, утеряны. В ГА РФ имеются только машинописные копии.

В главе анализируются публикации отрывков дневника в «Красном архиве» 1920–1930-х гг. На конкретных примерах диссертант показывает, по каким причинам многие записи Половцова не стали частью этих изданий либо были опубликованы с купюрами. В частности, делается вывод, что для

печати в «Красном архиве» редакторы журнала преимущественно отбирали информацию, дискредитировавшую самодержавную власть и всех, которые имели к ней хотя бы какое-то отношение. Издатели «Красного архива» считали, что дневники Половцова имеют историческую ценность, так как именно в них автор выступает в качестве летописца-разоблачителя, которому не хватило смелости «раскрыть подлинное лицо царизма» в своих исторических трудах. Поэтому в публикации большое место отведено слухам, сплетням и скандалам.

Также автор останавливается на проблеме материалов, не относящихся непосредственно к основному тексту дневника, но включенных автором в его состав из-за их исторической ценности. Эти материалы диссертант подразделяет на три основные группы: письма Половцова, письма других лиц (Половцову или разным лицам, но представляющие, по мнению автора дневника, историческую ценность), записки и речи Половцова, а также иные документы. Далее в главе анализируются источники, входящие в состав дневника исследуемого периода.

Автор диссертации делает общий вывод по главе, что дневник Половцова 1893–1909 гг. является уникальным источником по внутренней политике самодержавия рубежа XIX–XX вв. На основе анализа имеющихся в фонде материалов диссертант провел полную реконструкцию сохранившегося дневника, которая в схематичном виде представлена в составленной автором таблице.

Глава II. Деятельность высшей бюрократии круга Половцова в 1893–1899 гг. Глава посвящена рассмотрению и анализу ключевых событий внутренней политики конца царствования Александра III и первых лет правления Николая II с точки зрения представителей высшей бюрократии, входивших в окружение Половцова.

Сначала диссертант приводит общую характеристику периода, излагает хронологию событий, относящихся к последним месяцам правления Александра III. В работе описаны настроения в среде высшей бюрократии,

вызванные кончиной императора, а также впечатления и ожидания от восшествия нового монарха на престол. Подробно рассматривается обсуждение крестьянской реформы 1893 г. – так называемое дело о неотчуждаемости крестьянских земель, ставшее почвой конфликта различных группировок в правительстве.

Параллельно интерес высшего общества и бюрократической элиты сосредоточился на ситуации, сложившейся в другом ведомстве – Министерстве путей сообщения. Глава этого ведомства А.К. Кривошеин, занимавший данный пост с 1892 г., заслужил репутацию коррумпированного чиновника. В обществе ходили многочисленные анекдоты на этот счет. В итоге в декабре 1894 г. он получил отставку из-за того, что провел в собственных интересах ряд сделок по возглавлявшемуся им ведомству. Автор описывает обстоятельства отставки, а также рассказывает о реакции общества на эти события. Далее в диссертации говорится о том, какие кандидатуры рассматривались на вакантный пост. Автор разбирает, каким образом Витте пытался провести А.П. Иващенко и почему эта интрига закончилась провалом. Также диссертант рассматривает, как на министерский пост в итоге был назначен М.И. Хилков.

Затем автор работы сосредотачивает внимание на слухах, распространившихся в высших кругах еще в первой половине 1894 г., о возможности оставления Н.К. Гирсом поста министра иностранных дел. Осенью того же года постепенно стали складываться «эпицентры» борьбы по продвижению кандидатов на этот пост либо по предотвращению назначения на него тех или иных лиц. Немного ранее возникла еще одна вакансия – П.А. Шувалов был отозван с поста посла в Берлине. В декабре 1894 г. в кругу лиц, близких к канцелярии Министерства иностранных дел, стало известно о желании германского императора Вильгельма II видеть на данном посту Н.Д. Остен-Сакена, но это не помешало различным группировкам в среде правительственной бюрократии предлагать других кандидатов. Затем автор диссертации с привлечением корреспонденции из нескольких архивов и

дневников участников событий поэтапно реконструирует, каким образом группировка сторонников Гирса стремилась провести назначение А.Б. Лобанова-Ростовского в Берлин и тем самым убрать его из списка кандидатов на могущий со дня на день освободиться пост министра иностранных дел. В итоге, как показано в главе, эта комбинация почти состоялась, но из-за смерти Гирса, последовавшей 14 января 1895 г., не успевший доехать до Берлина Лобанов-Ростовский получил министерское назначение. На этом примере автор диссертации показывает, как освобождение одного поста, вызванное чьей-либо смертью или отставкой, вело за собой целую череду передвижений в бюрократической пирамиде. Причем, как подчеркивает диссертант, в подобное масштабное передвижение по чиновной лестнице могли оказаться вовлеченными фигуры, на первый взгляд не имевшие прямого отношения к ведомству, переживавшему подобные пертурбации.

В дальнейшей части главы внимание автора концентрируется на важнейшем событии начального периода правления Николая II – ходынской катастрофе, произошедшей во время коронационных торжеств 1896 г. Диссертант рассматривает это событие через призму восприятия кругом Половцова, а также сравнивает позицию представителей высшего общества и бюрократии с мнением императорского окружения.

Кроме того, в главе идет речь о назначении Боголепова на пост министра просвещения в 1898 г. Автор рассказывает о том, какую реакцию в обществе вызвало данное кадровое решение. Затем диссертант рассматривает студенческие беспорядки зимы-весны 1899 г., останавливаясь как на их причинах, так и на последствиях. В главе подробно разбирается общественный резонанс от применения полицией силы при разгоне студентов. Автор утверждает, что это событие фактически привело к расколу в обществе на сторонников и противников учащейся молодежи. Далее рассказывается о деятельности комиссии П.С. Ванновского по расследованию причин студенческих беспорядков 1899 г.

В конце главы делается вывод, что на конкретных примерах кадровых перестановок видно, каким образом представители высшей бюрократии и окружения императора пытались оказывать влияние на самодержца, а также в каких случаях такие шаги могли приводить к желаемому результату.

Глава III. Деятельность высшей бюрократии круга Половцова в 1899–1906 гг. Глава посвящена рассмотрению и анализу важнейших событий внутриполитической жизни страны указанного периода с точки зрения представителей высшей бюрократии, входивших в окружение Половцова, а также изменений, произошедших в восприятии монарха политической элитой.

Глава начинается с описания событий отставки министра внутренних дел И.Л. Горемыкина и назначения на освободившийся пост Д.С. Сипягина. Автор анализирует версии причин такого выбора императора, которые циркулировали в обществе и среде высшей бюрократии. Диссертант приходит к выводу, что основными причинами назначения стали личные симпатии Николая II к Сипягину, а также твердые монархические убеждения последнего. В главе приводятся свидетельства в пользу мнения, что это назначение давно готовилось императором. Диссертант анализирует характеристики Сипягина, дававшиеся ему представителями высшей бюрократии, а также останавливается на различных мнениях по поводу данного назначения.

Далее автор сосредотачивает внимание на важнейших политических событиях министерства Сипягина. Как отмечает диссертант, в начале 1901 г. по стране прокатилась очередная волна студенческих беспорядков. Правительство отвечало репрессивными мерами в соответствии с «Временными правилами» об отдаче студентов в солдаты от 29 июля 1899 г. 14 февраля на приеме в Министерстве народного просвещения Боголепов, который считался в среде студенчества инициатором жесткой политической линии, был смертельно ранен бывшим студентом. Материалы следствия подтвердили связь между применением «Временных правил» и

студенческими волнениями. Далее рассказывается о демонстрации 4 марта перед Казанским собором и о той роли, которую сыграл в этих событиях член Государственного совета князь Л.Д. Вяземский. Автор обращает особое внимание на то, что высшее общество и бюрократическая элита были обеспокоены выбором преемника Боголепова. Диссертант рассматривает обстоятельства назначения Ванновского на пост министра народного просвещения и причины такого кадрового решения. Поскольку предлагаемые Ванновским меры, изначально одобренные Николаем II, в целом не отвечали взглядам императора, уже в апреле 1902 г. последовала отставка министра.

Анализируя последний период правления Сипягина, автор характеризует причины падения его авторитета и говорит об убийстве министра в апреле 1902 г. Как подчеркивает диссертант, некоторые лица из окружения императора проводили связь между убийством Сипягина и отставкой Ванновского. Между тем, как показывается на материалах личной переписки Николая II, вопрос увольнения министра просвещения обсуждался еще в марте 1902 г.

Затем в главе разбирается вопрос о том, какие выдвигались кандидатуры на освободившийся пост главы МВД, и описываются обстоятельства назначения В.К. Плеве. Как подчеркивает диссертант, это назначение – вслед за выбором Сипягина – стало еще одним свидетельством растущей самостоятельности императора. Так, Николай II, в начале правления обсуждавший практически каждое назначение с Марией Федоровной, в данном случае сообщил матери о своем решении как о свершившемся факте.

В главе проводится мысль, что характерная черта Николая II – стремление показать собственную независимость, – не раз демонстрировавшаяся им со времени вступления на престол, в этот период проявлялась особенно резко. Такая стилистика поведения императора вызывала критику со стороны высшей бюрократии. Это привело к изменениям в восприятии Николая II в обществе и в среде чиновной элиты.

Стремившаяся упрочить свое положение в институтах самодержавной государственности бюрократия была в высшей степени возмущена попытками императора ограничить ее влияние. Подобная ситуация ставила Николая II в оппозицию многим представителям его окружения и в итоге обострила конфликт между ним и бюрократической элитой. Кроме того, в главе анализируется феномен неформальных советников императора. К их числу относили В.П. Мещерского, оккультиста Филиппа и некоторых других деятелей. По мнению представителей высшей бюрократии, именно они вместе с консервативно настроенными министрами вроде Плеве и Сипягина, поддерживавшими Николая II в его стремлении сохранить самодержавные начала власти, и способствовали усилению тех тенденций в шагах императора, которые вели к ослаблению влияния чиновной бюрократии.

Затем диссертант рассматривает, каким образом происходило обсуждение проекта о создании Совета министров, а также реформы Государственного совета.

Анализируя механизмы отставок-назначений и ключевые политические события данного периода, диссертант делает общий вывод об изменении приемов поведения Николая II и росте недовольства его стилем управления в среде представителей высшей бюрократии.

Заключение. В заключении подводятся итоги работы и формулируются основные выводы.

Во-первых, проанализировав дневник Половцова 1893–1909 гг., автор приходит к выводу, что он содержит ценную информацию по истории процессов, протекавших во власти на рубеже XIX и XX веков. В проведенной реконструкции дневника исправлены недочеты предыдущего издания его фрагментов в «Красном архиве», а полученный в итоге проведенной археографической и источниковедческой работы текст, стыкуясь с изданием, подготовленным П.А. Зайончковским, позволяет воспринимать дневник как значительный документальный комплекс по политической истории Российской империи.

Во-вторых, в работе сформулированы основные способы, с помощью которых представители высшей бюрократии и окружения императора оказывали влияние на Николая II в первые годы его правления. Среди таких приемов ключевыми оказались более или менее успешные попытки воздействия на кадровую политику верховной власти. Автор рассмотрел, каким образом в среде высшей бюрократии велась предварительная работа по выявлению желательного (или, напротив, отсечению нежелательного) кандидата на ту или иную должность, как осуществлялось продавливание императорского решения о назначении или об отставке. Отдельное внимание в работе уделяется формированию общественного мнения по поводу готовившейся смены власти в том или ином министерстве. Автор систематизирует многочисленные факты, позволяющие ответить на вопрос, могло ли общественное мнение оказывать влияние на указанные процессы. Опираясь на богатую источниковую базу и проанализировав эволюцию поведения Николая II, диссертант приходит к выводу, что этот монарх с самого начала пребывания на престоле старался демонстрировать свою независимость от общественного мнения. Сложнее складывалось его отношение к проявлениям некоей консолидированной позиции в среде высшей бюрократии. Противостоять подобного рода попыткам вмешательства во властные прерогативы императора Николай II научился лишь спустя несколько лет после восшествия на престол. В результате сформировался феномен известного властного упрямства этого монарха, когда доходившие до Николая II слухи о том, что в бюрократической среде бытовало мнение о скорой отставке того или иного чиновника либо, напротив, в правительственных кругах считалось невозможным назначение какого-то кандидата, подталкивали императора к принятию полностью противоположного решения.

Останавливаясь на конкретных способах воздействия представителями высшей бюрократии на монарха, диссертант отмечает личную беседу, переписку, сокрытие информации и др. В работе

подчеркивается, что, как правило, использовалось одновременно несколько способов в различных комбинациях. Так, в качестве практически беспроектного варианта могла применяться личная корреспонденция (сама по себе возможность использования такого канала влияния обеспечивала значительную часть успеха), дополненная встречами, а также давлением на лиц, имевших прямой и регулярный доступ к монарху (например, на членов Императорской фамилии). Автор называет конкретных персон, которые в отдельные периоды могли в большей или меньшей степени оказывать влияние на Николая II. Среди этих лиц – представители высшей бюрократии, с которыми часто общался император, члены Императорской фамилии, а также отдельные лица из небюрократической среды, не связанные с существовавшими политическими группировками.

В-третьих, в диссертации делается вывод о том, что в первые годы правления Николая II влияние элиты, по сравнению с эпохой Александра III, усилилось. Во всяком случае, бюрократическая верхушка, уверенная в некомпетентности и неопытности молодого монарха, считала, что императору необходимы советники в лице ее представителей. Пропорционально с ростом подобных амбиций императорского окружения учащались и попытки правительственной элиты влиять на кадровую политику. Между тем, как отмечает диссертант, большинство представителей высшей бюрократии, не соглашаясь с монархом во многом, тем не менее поддерживали его или, по крайней мере, династию и институт самодержавия в целом. Однако это не мешало им активизировать попытки по поиску неформальных способов влияния на императора. Стремление Николая II остановить этот процесс привело к непредвиденным последствиям. Стараясь защитить собственные прерогативы от внешних посягательств, он постепенно распространил свой негативизм в отношении такого рода попыток на правительственную бюрократию в целом, усмотрев в ней главную причину «средостения». Подобная позиция неизбежно вела к усугублению конфликта между элитой и престолом. В результате и прежде

свойственный определенной части высшей бюрократии латентный конституционализм эволюционировал в направлении более радикальных форм. Правительственные чиновники начинали осознавать себя по меньшей мере в оппозиции режиму, позиционировать собственные настроения как схожие с настроениями «цензурной общественности», распространять негативную информацию об императоре, тем самым способствуя падению авторитета монарха и дискредитации института самодержавия в целом. Либеральные преобразования политической системы в 1905–1906 гг. в первое время несколько ослабили конфликт между императором и правительственной элитой, однако именно эти преобразования способствовали стремительному складыванию альянса между правительственной бюрократией и новообразованной Думой и дальнейшему усугублению кризиса самодержавной государственности.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

1. Голечкова О.Ю. Дневник А.А. Половцова (1893–1909 гг.): источниковедческие и археографические проблемы реконструкции // Российская история. 2010. № 6. С. 171–179. (Журнал входит в перечень изданий, утвержденных ВАК).

2. Голечкова О.Ю. Политическая жизнь Российской империи конца XIX – начала XX вв. на страницах дневника А.А. Половцова // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2011. № 6. С. 25–36. (Журнал входит в перечень изданий, утвержденных ВАК).

3. Голечкова О.Ю. Пустующее министерство, или Борьба вокруг назначения князя А.Б. Лобанова-Ростовского на пост министра иностранных дел // Клио. 2013. № 4 (76). С. 50–54. (Журнал входит в перечень изданий, утвержденных ВАК).

Заказ № 40-Р/09/2013 Подписано в печать 11.09.13 Тираж 100 экз. Усл. п.л. 1,6

ООО "Цифровичок", тел. (495) 797-75-76
www.cfr.ru ; e-mail: info@cfr.ru

